

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 330

Я. В. Соколов

В ЗАЩИТУ СКЕПТИЦИЗМА

Друзей нет. Есть люди, относительно
которых мы пребываем в заблуждении.

Барбе д'Оревильи

Для скептика слова французского классика звучат успокоительно. Его нельзя огорчить. Он понимает, что и врагов нет, а есть люди, которые пока еще не поняли, в чем их счастье. Поэтому скептик терпелив, спокоен, любит друзей и сочувствует недругам.

Начало

Скептицизм родился в Древней Греции и не был характерен для средневековой Европы, хотя его черты уже можно видеть в книге П. Абеляра (1079–1142) «*Sie et Non*». Но это была первая ласточка интеллектуальной весны, пришедшей в великое время Возрождения. По меткому слову Е. В. Тарле (1875–1955), «скептицизм могущественно способствовал совершению переворота в умственной жизни европейского общества» [30, с. 148]. Его суть он передает, пересказывая одну из новелл Дж. Боккаччо (1313–1375): у некоего отца было три сына и одно золотое кольцо. Все знали, что один из сыновей его получит. Чтобы не обижать кого-то, отец тайно заказал еще два кольца и подарил три одинаковых кольца сыновьям, и каждый из них думал, что это единственное «верное» кольцо, в то время как все кольца были равноценными. Отсюда следует, что любой человек может думать, будто бы только он обладает истиной, а всех, кто сомневается, следует или переубедить, или перевоспитать.

На закате великой эпохи Возрождения один из скептиков Е. Кастеллионе (1515–1563) хорошо написал: «... уверенность в несомненности того, в чем необходимо сомневаться, влечет за собой для людей тягчайшие несчастья» [2, с. 121]. Это была максима на все времена*.

Ярослав Вячеславович СОКОЛОВ – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой статистики, бухгалтерского учета и аудита СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ, член Президентского совета Института профессиональных бухгалтеров России и член Методологического совета Министерства финансов РФ. Член Международной академии историков бухгалтерского учета. Автор более 600 публикаций, в том числе 17 книг (монографий и учебников) по методологии и истории бухгалтерского учета, многие из которых переведены и изданы в США, Англии, КНР, ФРГ, Италии и Болгарии.

© Я. В. Соколов, 2009

Сейчас скептицизм — симптом новой жизни, наступившей после десятилетий твердой веры в коммунизм, братство народов, морально-политическое единство и в другие подобные химеры.

Проблема современного скептицизма не в том, что люди не могут найти Истину, т. е. однозначное понимание проблемы, а в том, что таких пониманий, логически равноценных, существует множество. «Истины, — писал Л. Шестов, — только на мгновение вспыхивают и тотчас гаснут» [7, с. 5]. Старый скептицизм ставил «под сомнение возможность найти адекватное или хотя бы удовлетворительное обоснование для любого из наших воззрений» [24, с. 287]. Новый скептицизм утверждает, что таких адекватных логически равноценных объяснений может быть множество.

Ученый-скептик

Люди, которые делают науку, делятся на пчел-эмпириков, собирающих факты, и пауков — вытягивающих из себя интеллектуальную паутину. Те и другие могут быть уверены в полученных результатах, а могут в них сомневаться. В первом случае ученый и его единомышленники убеждены, что овладели Истиной, «они ее видят, они ее слышат» (Блок), во втором — они понимают, что истин много и к ним можно только приглядываться и прислушиваться. Самое печальное в первом случае заключается не в том, что ученые боятся усомниться в своей «правоте», а в том, что они не любят других. Этим другим существенно меньше, они не делят людей на друзей и врагов, по свойствам своей философии, не сердятся на «правоверных», ибо не ставят под сомнение их взгляды, не опровергают их, но *только показывают, что наряду с их Истиной* есть и другие, не менее убедительные истины. Этим людей и называют скептиками. Они, как говорил К. Маркс (1818–1883), подвергают все сомнению, но не столько для того, чтобы все опровергнуть, сколько для того, чтобы найти новые подходы к проблемам и новые их решения.

Скептиков мало. Они непопулярны. Они другие. Люди стремятся к Истине и верят в нее. Вера успокаивает их нервную систему и приносит уверенность в себе. Такой человек любит Истину и не сомневается в ней.

Дискуссия

Самая большая награда для скептика — это отклик, разбор его трудов. В «Вестнике С.-Петербургского университета» была напечатана статья «Скептицизм как метод экономической науки» [29]. Для нее не хватало аккомпанемента. К счастью, он прозвучал. В нем меня посчитали и заблудившимся, и заблуждавшимся [23]. Я не обиделся. Ведь если человек исповедует скепсис, то основное его преимущество в том, что он не может ни на кого сердиться. Я знаю, что все, вернее, почти все, что говорят мои оппоненты — это правда, но как скептик, я понимаю и то, что и мои тексты не менее правильны^{2*}. Взгляды оппонентов — это только частный случай того, о чем была написана моя статья. И мне кажется, что они недовольны моей статьей по недоразумению, ибо они не совсем поняли, почему «им надо быть счастливыми». Наша общая радость в том, что мы осуждаем зло, которого так много в мире. Люди, естественно, боятся, что кажущийся скептицизм открывает двери анархии, ставя на одну доску и преступления, и добродетели. Если прав Н. Д. Бальмонт (1867–1942): «Все равно мне — человек плох или хорош, все равно мне — говорить правду или ложь», то как жить? А только по правилам героев Б. Брехта (1898–1956): «В человеке скуден доброты запас, смело бейте люди ближних между глаз».

И нет ничего хуже этого. Но скептицизм тут ни при чем. Настоящий скептицизм не строит иллюзий и, тем не менее, всегда знает, «что такое хорошо и что такое плохо» (В. Маяковский). И тут мы полные единомышленники, а различия сводятся к трактовке примеров. Допуская правомерность сомнений, оппоненты пытаются опровергнуть мои примеры, не затрагивая содержания статьи. Я смог бы привести другие примеры, коллеги их тоже стали бы опровергать, а я опроверг бы опровергателей. И все началось бы сначала, возник бы интеллектуальный пинг-понг. Вместо этого я попытаюсь прояснить недоразумения, связанные с текстами, уже приведенными.

1. Авторы уверенно пишут: «Из того, что некоторый объект назван разными именами, не следует никаких противоречий» [23, с. 142]. Увы, следуют, и еще какие. В 1914 г. началась война. Ее у нас сразу назвали отечественной, но как только подписали «похабный, — по словам В. И. Ленина, — мир», эта же война была названа империалистической. В сущности одна война, но совершенно разный смысл. В следующую войну бойцы поднимались в атаку с великими словами: «За Родину! За Сталина!» А если крикнуть: «За Родину! За Джугашвили!» — подъем не получится. Разные названия формируют и разное отношение к фактам и само понимание фактов. Это следствие великого диалога Платона «Кратил».

Конечно, оппоненты правы, говоря, что «средняя» и «математическое ожидание» — разные понятия. Но если подойти к проблеме с позиции А. А. Чупрова (1874–1926), который любую совокупность рассматривал как выборочную из большой и глобальной, то средняя станет частным случаем матожидания. Точно так же когда-то считалось, что геометрия — это одна наука, а алгебра — другая, но пришел Р. Декарт (1596–1650) и создал аналитическую геометрию.

2. Иногда кажется, что какая-то теория не выдержала проверки и забыта. Так, оппоненты утверждают, что трудовая теория стоимости такова, что о ней не стоит и вспоминать. Действительно, после О. Бем-Баверка (1851–1914), казалось бы, так и надо поступить^{3*}. Однако трудовая теория стоимости не исчезла. Она, говоря языком масонов, «заснула». Прошло определенное время, появился тихий еврей П. Сраффа (1898–1983) и в определенном смысле не только возродил рекордианство, но, в сущности, показал потенциально возникающие информационные связи с межотраслевым балансом В. В. Леонтьева (1906–2001). Очень важно подчеркнуть, что параллельно со Сраффой и независимо от него знаменитый японский экономист Мичио Морисима сделал необыкновенно много для реабилитации идей К. Маркса. Книги Морисима «сыграли важную роль в одном из загадочных явлений нашего времени — неожиданном возвращении марксистской теории, и, в частности, ее математических интерпретаций» [1, с. 208].

3. Даже совершенно очевидные факты могут пониматься по-разному. Каждому школьнику известно, что 8 сентября (ст. стиль) наши разгромили полчища Мамай. Это действительно Истина, и если вы не поклонник «новой хронологии», то никаких вопросов на этот счет у вас не возникнет. Однако оценить данное событие возможно по-разному: а) это была историческая победа русского народа, укрепившая его единство и вошедшая в нашу историческую память как величайший подвиг наших предков; б) это была политическая победа Дмитрия Ивановича (1350–1389), ставшего Дмитрием Донским. Дело в том, что Мамай выдал ярлык на княжение не ему, а тверскому князю Владимиру Александровичу, и Куликовская битва вернула Москве главенство среди русских земель; в) это была просто авантюра Дмитрия Донского, так как Мамай, захватив власть, не учел претензий Тохтамыша, который благодаря Куликовской битве и получил всю власть в Орде. Следовательно, именно в его интересах Дмитрий Донской подавил мятежников. Потери русских были

огромны, но татарское иго просуществовало еще сто лет. Следует прямо сказать, что все трактовки правильны, но важно не трубить в золотые трубы о победе (первое понимание), не опускаться до грубого цинизма (второе понимание) и не предаваться излишнему политиканству (третье понимание), а надо воспринимать возможности всех логически оправданных интерпретаций.

4. Обычно полагают, что бухгалтерский баланс представляет равенство того, что вложено в предприятие, и объема средств, им полученных. Так думают почти все экономисты и даже кое-кто из бухгалтеров. Однако это не так. Во-первых, вложенное не может быть равно полученному. Оно, как правило, или больше (прибыль), или меньше (убыток). Отсюда в теории бухгалтерского учета выделяют постулат Пизани, который гласит: *сальдо счетов статических (счета средств и источников) равно сальдо счетов динамических (результатные счета)*.

Так возникают две совершенно различные, но теоретически равноценные трактовки бухгалтерского баланса. Первая видит его смысл в том, что он, показывая средства и источники, отражает финансовое положение хозяйствующего субъекта (теория *статического* баланса); вторая, трактуя баланс как следствие результатных счетов, сводит его к выявлению финансового результата (теория *динамического* баланса). Различия между ними огромны. Достаточно сказать, что в первом случае все статьи баланса оцениваются по текущим ценам, существующим на момент его составления, во втором — по ценам приобретения. На Западе говорят — по историческим ценам, у нас — по себестоимости (цена покупки плюс затраты на доставку и установку объектов)^{4*}. Отсюда и прибыль в статическом балансе определяется как прирост за отчетный период собственности предпринимателя (чистых активов), а в динамическом — как разность между его доходами и расходами. Мы получаем два разных баланса и, соответственно, два неодинаковых финансовых результата. В настоящее время стремительно формируется третья теория баланса, согласно которой прибыль исчисляется как разность между величиной капитализации фирмы за отчетный период. Таким образом, нет единого баланса. Есть несколько его вариантов. Кроме того, в бухгалтерском балансе, так же как и в отчете об убытках и прибылях, речь идет не об оценке деятельности предприятия, а о том, как эти отчетные формы характеризуют работу его администрации. А такие оценки почти всегда сугубо субъективны и относительны. Но при всех обстоятельствах методология бухгалтерского учета — не злая воля собственников, ибо и она переполнена парадоксами: чего стоит, например, случай, когда отчет демонстрирует высокую рентабельность при явном банкротстве?

5. Разное понимание прибыли — это следствие разных трактовок баланса: в первом случае это прирост стоимости чистых активов, во втором — прирост доходов над расходами, в третьем — прирост стоимости самой фирмы. Какой из этих трех ответов правильный? Конечно, все! Таким образом, бухгалтерский баланс в каждом его проявлении — это искусственная конструкция, которая совсем не изоморфна действительности, но она достаточно хорошо работает и позволяет раскрыть и финансовое положение, и финансовый результат хозяйствующего субъекта^{5*}.

6. Все теории баланса отвечают на разные вопросы в интересах разных пользователей. Еще недавно доминировала теория динамического баланса, ибо она интересовала актуальных собственников и администраторов, теперь, особенно в системе МСФО, начинает господствовать теория статического баланса, ибо она, прежде всего, интересует потенциальных собственников, тех, кто хочет и может купить ценные бумаги функционирующих фирм^{6*}.

7. Со времен Секста Эмпирика (конец II века н. э.) скептицизм претерпел большие изменения. Самыми главными надо считать *конвенционализм* и метод *деконструкции*. Первый догматики пытаются истолковывать в свою пользу, второй — замалчивают.

Конвенционализм выводит понимание проблемы из условных соглашений, которые заключают между собой ученые (в науке), и из принятых в данном сообществе обычаев (в жизни). Это более чем убедительно показал А. Пуанкаре (1854–1912): «Если мы в начале каждой проблемы укажем условное соглашение, то все пойдет хорошо» [25, с. 116]. Если же будут предусматриваться разные исходные постулаты, то вместо выводов будет получена интеллектуальная абракадабра. Самым впечатляющим примером может служить утверждение, что «Птолемей и Коперник в одинаковой мере правы. Чье мнение предпочтеть — вопрос удобства» [3, с. 334]. А практически это значит, что зря судили главного математика и философа великого герцогства Тосканского Г. Галилея (1564–1642), но и Р. Ф. Беллармина (1542–1621) вряд ли стоило объявлять учителем Церкви. Галилей был больше скептиком, чем фанатиком новой веры, поэтому отрекся не из страха костра, а ради науки^{7*}. В литературе подчеркивается, что «система Птолемея широко используется в астрономии и сейчас: астроном обычно определяет положение светила на небесной сфере в координатах, связанных с Землей, а уже затем производит переход к другим координатным системам» [6, с. 114]. Этот пример конвенционализма показывает, что скептицизм — лучшее лекарство от догматических болезней^{8*}.

Деконструкция предполагает выявление внутренней противоречивости текста, обнаружение в нем скрытых и не замечаемых «остаточных смыслов, доставшихся в наследство от прошлого и закрепленного в форме мыслительных стереотипов и языковых клише» [10, с. 450]. Метод создан Ж. Дерридой как альтернатива аналитической философии. На практике это предполагает принципиальную многозначность текста и неизбежную ошибочность любой попытки приписать ему единственный смысл.

8. Логический закон тождества: $A \equiv A$ внешне противоречит взаимоисключающим утверждениям, на которых основывается скептицизм. Но, как явствует из конвенционализма, этот закон действует в заданной системе аксиом и / или постулатов. A это означает, что одна система, скажем, теория T_1 , четко признает $A_1 \equiv A_1$, а вторая теория T_2 не менее строго признает $A_2 \equiv A_2$, но, естественно, в этом случае $A_1 \neq A_2$. Например, если мы приняли, что все объекты должны оцениваться по себестоимости, то этот постулат, именуемый принципом перманентного инвентаря, и должен быть проведен последовательно во всей системе отчетности, но если будет выбран иной принцип оценки, то он так же последовательно должен быть проведен во всех отчетных формах. В бухгалтерском случае, согласно закону тождества, актив есть актив. Внешне выражение $A = П$, актив равен пассиву, говорит о тождестве, но тождества нет, ибо природа актива и природа пассива принципиально разграничены. Дело в том, что источники не могут быть равны результатам. Различаются и величины бухгалтерской и налогооблагаемой прибыли потому, что они построены по разным исходным правилам. Поэтому изучение тех или иных фактов должно начинаться с выявления основополагающих критериев, принятых тем, кто эти факты представляет. В статистике мы сплошь видим примеры «убедительных» числовых характеристик, но стоит задуматься о том, как эти характеристики были подсчитаны, и неудовлетворенность информацией становится нашим уделом.

9. Есть специальные критерии, позволяющие отделить науку от ненауки. Лучшие выдвинул К. Поппер (1902–1994). Это верификация и фальсификация. Если первый повторяет афоризм Маркса: «Практика — критерий истины», то второй представляет собой существенную новизну и оригинальность^{9*}. Есть проблема P и теория T , предполагающая

объяснение Р и, возможно, ее решение. Естественно, мы проверяем, т. е. верифицируем Т и считаем, что если она подтверждает, т. е. удовлетворительно объясняет факты $f_1, f_2, f_3, \dots$, то теория признается правильной. Однако после определенного числа испытаний (проверок) может возникнуть f_n , т. е. факт, который не способна объяснить данная теория. Допустим, это была T_1 . Тогда для объяснения нового факта привлекается новая теория — T_2 . Она удовлетворительно объясняет f_n , но при этом не может объяснить, скажем, f_2 и f_3 . Поэтому те, кого называют учеными, используют всегда в науке несколько теорий, хотя, как правило, каждый отдельный ученый держится какой-то одной теории. Так, согласно К. Марксу (теория T_1) разные товары, в нашем случае f_1, f_2, f_3 , имеют цену в зависимости от воплощенного в них общественно необходимого труда. Но очевидно, что цены на редкие и несвободно воспроизводимые товары не могут быть объяснены этой теорией. С другой стороны, трактуя цены как выражение предельной полезности (теория T_2), мы понимаем, что на редкие и несвободовоспроизводимые товары цены объясняются отлично, но T_2 не в силах объяснить жажду богатства: каждый последующий кусок хлеба стоит действительно меньше предыдущего, но каждый последующий кусок золота представляется все более и более желанным. Таким образом, можно прийти к выводу, что T_1 объясняет одни проблемы, а T_2 — другие.

И тут надо повторить, что самым главным в фальсификации является то, что она позволяет выявить случаи, которые не может объяснить рассматриваемая теория. Например, в бухгалтерском учете теория одного ряда счетов прекрасно объясняет порядок записей, связанных с отражением расчетов:

- *Тот, кто получил, дебетуется, тот, кто выдал, кредитуются* (Правило Э. Дегранжа).

Но эта теория не может объяснить, почему, например, при недостатке дебетуются счета капитала (собственник ничего не получил) или почему налоги, удержанные из заработной платы рабочих и служащих, отражаются по дебету счета «Расчеты с персоналом» (хотя персонал не только ничего не получил, но и отдал) и кредиту «Расчеты с бюджетом» (который не только *не дал*, но и пока ничего и не взял). Или почему полученная прибыль присоединяется к капиталу путем дебетования счета «Убытки и прибыли» (хотя в этом случае счет выдает, а не получает) и кредитует счета дополнительного капитала (хотя эти счета получают, а не выдают).

Альтернативная теория двух рядов хорошо объясняет приведенные случаи. Она предполагает следующее:

- *По дебету активных счетов показывается увеличение учитываемых объектов, по кредиту — их уменьшение; в пассивных счетах наоборот* (правило И. Ф. Шера).

Но эта теория плохо объясняет записи на счетах расчетов. Например, привезли товары. В связи с этим дебетуется счет «Товары» (это понятно) и кредитуются счет «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» (если его рассматривают как пассивный, то все правильно), но если была сделана предоплата и у фирмы возник дебитор, следовательно, согласно постулатам этой теории, при дебетовании счета «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» названный нами пассивный счет превращается в активный, ибо его дебет означает теперь увеличение требований фирмы к поставщику.

Так, фальсификация показывает познавательные и описательные границы теории. Если согласно фальсификации все положения теории подтверждаются, то считается, что эта теория к науке отношения не имеет.

10. Еще в конце XIX в. Ч. Пирс (1839–1914) выдвинул утверждение, что Истина — это предел наших поисков. Мы все время приближаемся к ней как к своему «идеальному пределу». Отсюда и правдоподобие теории определяется степенью сиюминутного при-

ближения к этому пределу. Но предполагается, что если этот процесс поиска Истины рассмотреть сквозь призму фальсификации, то получаются, в лучших традициях скептицизма, два равно возможных ответа. Первый принадлежит К. Попперу (1902–1984). Каждая теория объясняет n фактов из бесконечного их множества на пути к пределу. И чем больше она объясняет фактов, т. е. чем больше их верифицируемость, тем лучше теория, тем больше она приближается к пределу — Истине. В этом отношении теория двух рядов лучше и современнее теории одного ряда. Второй ответ был дан в 1960 г. У. Куайном (1908–2000), который показал, что предел и истина как предел познания — понятия разные и принципиально несопоставимые [28, с. 34]. Отсюда следует, что и приведенные теории представляют собой совершенно самостоятельные и несводимые друг к другу концепции. Они не переводятся с одного языка на другой. Обе они далеки от Истины, и, конечно, нельзя сказать, какая из них правильная и какая ложная. Отсюда сомнителен и вопрос о том, какая из них ближе к Истине. Путь Куайна только означает, что и ученый в науке и человек в жизни всегда находятся в состоянии выбора и предпочтений. Как ученый, он выбирает теорию, которая ему представляется более убедительной, но от этого она не может, как думает прагматик, стать более верной. Если он беспринципен и хочет показать хорошую работу руководства, то для демонстрации роста производительности труда в соответствующем индексе он проставит текущие веса, а если ему надо то же руководство скомпрометировать, то выберет веса базисные. Попытка И. Фишера (1867–1947) прибегнуть к кроссингу интересна только как интеллектуальная игра. Но это множество теорий об одном и том же — величайшее завоевание науки, которая вне скептицизма невозможна. Последнее обстоятельство замечательно передает афоризм А. Н. Уайтхеда (1861–1947): «Контраст теорий — не беда, а возможность для практического использования» [26, с. 459].

Вывод. Для практического использования необходимо несколько теорий, но в какой-то момент должна быть выбрана одна из них. Это не значит, что она правильнее других. Это просто значит, что сейчас она даст лучший результат (налоговая теория минимизирует прибыль, бухгалтерская максимизирует ее). Однако нельзя смешивать теоретические принципы разных теорий. Печальные результаты подобных попыток существуют во множестве. Здесь трудно удержаться от примеров смешивания социализма с капитализмом. Отказ от нэпа не был случайным. Но еще показательнее судьба косыгинской реформы. Вводилась плата за фонды, часть прибыли оставалась в распоряжении предприятий. Это от капитализма. А от социализма — все самое главное: план, обязательная выплата заработной платы (за семьдесят лет социализма не было случая ее невыплаты), централизованно установленные цены. Но вот тут-то и возникли проблемы. Значительная часть нашей промышленности, не говоря о сельском хозяйстве, была убыточной. Если руководствоваться капиталистическими принципами, то все убыточные предприятия следовало закрыть. Естественно, правительство на это пойти не могло, а реформу проводить надо было. Поэтому у рентабельных организаций стали отбирать прибыль и передавать ее убыточным, уравнивая всех. Фальшь и коррупция в экономике возросли и злополучная реформа стала одним из фактов гибели великой страны.

Скептицизм в жизни

В науке истинной признается только та теория, которая соответствует выбранной системе аксиом и / или постулатов. В жизни все сложнее. В жизни «все люди ищут счастья» — писал Б. Паскаль (1623–1662) [22, с. 116]; «Человек создан для счастья как птица для полета» — иронизировал А. П. Чехов (1860–1904); «Человек — это машина для получения удовольствий» — всерьез думал Ф. И. Эджворт (1845–1926). Но скептик полагает,

что каждый счастье понимает по-своему. Для одной счастье «с милым жить в шалаше», но другой «шалаш не по душе».

И границы счастья в жизни очень узкие. Они очерчены в Нагорной проповеди, есть четкие безусловные правила, которые, так или иначе, выражаются в категорическом императиве великого агностика И. Канта (1724–1804). Отсюда — в жизни можно, согласно категорическому императиву, следовать только дорогами добра^{10*}. Здесь скептицизм очень ограничен, но не менее важен, чем в науке. Скептику трудно жить в обществе, в котором преобладают нормальные люди, и ему поэтому необходимо пользоваться советом Ф. И. Тютчева (1803–1873): «Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои»^{11*}. Однако следовать этому правилу можно только в беседах со скептиком. С ним может говорить любой, и он любого поймет, так же дружелюбно, как я понимаю моих оппонентов. Меня спросят: разве не может один верующий откровенно беседовать с другим верующим? Может, но это опасно, так как у каждого своя принципиальность и им не понять друг друга. Сколько бед в истории наделали убежденные ортодоксальные заединщики! Самое страшное в истории человечества — это единомыслие, морально-политическое единство. Оно может быть достигнуто только насильем. И как только чуть-чуть вожжи ослабнут, «оковы тяжкие падут» и вместо ожидаемого счастья начнется страшный бессмысленный беспредел. Через реки крови придут новые правозверные догматики-ортодоксы, возвестят новые истины и возродят традиционное насилие. Но если вы скептик, у вас появляется шанс, если не предотвратит насилие, то, по крайней мере, спрятаться и пережить неприятности. Так, великий скептик смутных времен М. Монтень (1533–1592) счастливо прожил и хорошо сказал: «Меня нисколько не пугает, если мои суждения противоречат суждениям других людей; и то, что эти люди придерживаются точек зрения, отличных от моей, нисколько не мешает моему общению с ними. Наоборот, в силу того, что наиболее распространенным принципом в природе является разнообразие и что оно еще более свойственно человеческому духу, чем телу... Никогда не существует двух совершенно одинаковых мнений... Наиболее устойчивым свойством всех человеческих мнений является их несходство» [20, с. 543].

Все это убеждает в том, что в жизни очень хорошо быть скептиком. Исповедуются терпимость и всепрощение. Скептик не может огорчаться сам и не должен ни на кого сердиться. А между тем скептиков не любят: дело в том, что обычно человек стремится к твердой несомненной Истине. Это естественно, и критики скептиков, как уже говорилось, верят в Истину, а скептик верит в истины. Возьмем старуху из «Золотой рыбки». У нее есть одна Истина — хватать. И чем больше она получает, тем больше хочет. Это модель многих людей. «Человек, — писал Ш. де Голь (1890–1970), — ограниченный по своей природе, — безграничен в своих желаниях» [13, с. 545].

Это очень опасно. Только скептицизм позволяет людям осознать свой беспредел и остановить его. Но нормальным людям не нужны пространные рассуждения «о жизни, о счастье, о лете». Они хотят, чтобы кто-то, прежде всего государство, дало им достойную жизнь и твердые истины о том, что правильно и что неправильно. Как это ни кажется странным, но ответ легче всего мы находим в реплике М. С. Горбачева: «Понять, что неправильно, было легко. Самое трудное понять, что правильно»^{12*} [13, с. 727]. В самом деле, заведомо ошибочные решения отбрасываются, а все остальные потенциально правильные не существуют в единственном варианте. Их много, и понять, что из лучшего самое нужное, может только человек, способный мыслить масштабно. Но так могут мыслить только люди, любящие жизнь и истины, ибо «все в себя вмещает человек, который любит мир и верит в Бога». (Скептики сомневаются.) При этом

не все люди любят друг друга, «друг другу мы тайно враждебны», – писал поэт^{13*}. Все это от дефицита скептицизма.

Один из героев Ж. Б. Мольера (1622–1673) выразил прагматическую мораль скептика впечатляющими словами: «Вращаясь в обществе, мы данники приличий, которых требуют и нравы, и обычай», и этот же герой отвечает своему беспокойному оппоненту: «На все, что будит в вас такое беспокойство, смотрю спокойно я, как на людские свойства» [19, с. 63, 66]. И как бы вторя французскому комедиографу, его современный последователь П. Курц пишет золотые слова: «Мы постоянно окружены уверенными в своей правоте моралистами, утверждающими, что они обладают Абсолютной Истиной, или Моральной Добродетелью, или Благочестием, или знают тайный путь к Прогрессу, и что они готовы передать свои убеждения всем остальным. Они надуваются от переполняющего их чувства собственного достоинства и обрушиваются на невежественных и аморальных грешников, не обладающих силой их моральной веры. Эти фанатики от морали стремятся подавить или уничтожить любого, кто окажется у них на пути. Они готовы спустить с цепи агрессивные догматические аргументы во имя Бога или Диалектики, или расового Превосходства, или Грядущих Поколений, или Имперской Идеи [14, с. 119].

Одним из нравственных преимуществ скептицизма следует признать то, как он позволяет человеку исследовать текст. Обычные люди и особенно склонные к догматизму в любом тексте ценят то, что узнают, т. е. то, что они в явной или неявной форме знали и так. Их радует момент самоузнавания и самоутверждения: то, что они думают, оказывается, признают далекие незнакомые люди. Они говорят: вот это я! Вот это правда!

Но у обычных людей часто бывает много запросов. Им нравится и то, и другое. Тогда они говорят: надо объединить и то и это, отбросить плохое и собрать хорошее. Например, объединить теорию динамического и статистического баланса; синтезировать теории предельной полезности и трудовой стоимости; провести кроссинг текущих и базисных весов в индексах; соединить лучшие черты капитализма с идеалами социализма. По последнему случаю К. Маркс (1818–1883) зло высмеивал П. Ж. Прудона (1809–1865), учившего, что в будущем обществе надо «сохранить хорошую сторону, устраняя дурную». Забывая сарказм Маркса, уже в наше время экономисты-рыночники, живя иллюзиями Прудона, пытались построить рыночный социализм. Это закончилось крахом социализма развитого и реального.

Так поступали люди, свято верившие в догмы о том, что Маркса можно и нужно учить.

Совсем другое дело — скептики. Их удивить трудно. Прежде чем знакомиться и читать текст, они прибегают к интроспекции. Это означает, что они всегда заняты самонаблюдением и понимают неприменную необходимость уяснения мыслей и интересов тех людей, которые им, скептикам, этот текст предложили и тем более тех, кто данный текст написал. Поэтому скептик узнает в тексте не столько то, что он знает, но то, что он до этого не знал, а заодно понимает и намерения коллег и авторов текста. Таким образом, скептик из текста узнает и усваивает несоизмеримо больше информации, чем обычные люди, которые вынужденно постигают мир именно через текст посредством его прямого чтения и столь же прямого усвоения. В этом случае картина реальных процессов подменяет сами процессы, законы логики заменяют условия жизни. Это большая опасность.

Лекарством от нее служит скептицизм. Принимая мир таким, каков он есть, скептик невольно становится пессимистом. Он говорит словами великого поэта: «Уж не жду от жизни ничего я и не жаль мне прошлого ничуть». На самом деле он ждет от жизни

одних неприятностей, но они, к счастью, случаются редко и поэтому скептик-пессимист большую часть времени пребывает в очень хорошем расположении духа и его нельзя огорчить. У него, как правило, всегда есть свобода выбора в своих делах и поступках. Скептик обычно стоит на своем, но всегда понимает и принимает мнение других, это человек, преисполненный приятных воспоминаний об уже мертвых и еще живых, ждущий увлекательных приключений для себя, своих друзей и близких.

Итоги

Скептицизм сегодня — это метод анализа тех проблем, которые отвечают в науке критериям Поппера, а в жизни вытекают из императива. Одним из великих достижений И. Канта было введение понятий гипотетического и категорического императивов. Первый предполагает наиболее целесообразный выбор той или иной теории, того или иного решения, скажем, надо в учетной политике выбрать такую оценку активов, которая или минимизирует прибыль в целях экономии на налогах, или максимизирует ее для поднятия курсовой стоимости акций. Второй, наоборот, предписывает только однозначные решения, не оставляя человеку выбора. Например, нельзя воровать, нельзя лгать, нельзя желать жену ближнего своего и т. п. Все это подчеркивает, что скептик беспристрастен, но это не значит, что он безучастен.

Кант дал две формулировки категорического императива:

1) «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [11, с. 260];

2) «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [11, с. 270].

Гипотетический императив должен лежать в основе науки в ее практическом применении (человек выбирает из логически возможных теорий ту, которая в данный момент дает наилучший результат), категорический императив должен лежать в правилах жизни, в личностном поведении людей (человек должен строго выполнять данные ему моральные предписания). Тот, кто в жизни отрицает категорический императив, с неизбежностью впадает в цинизм. Эта «истина лежит по сто лет на столе, и они ее не берут» [8, с. 119].

Выводы для науки и жизни сводятся к нескольким важным рекомендациям в духе И. Канта и Ж. Дерриды: 1) к каждой проблеме надо подходить без заведомо готового решения; 2) всегда мыслить за другого, уметь поставить себя на место другого, понять, что хочет собеседник, и никогда не обижать его; 3) уважать традиции, но никогда не идеализировать их; 4) понимать, что любая проблема имеет минимум два решения^{14*}; 5) не идти, по возможности, против своей совести и мыслить в согласии с самим собой. И, наконец, «умей прощать и не кажись, прощая, великодушной и мудрей других» (Киплинг). Отсюда и главная заповедь: все мы должны понимать сложность проблем (в науке) и чувствовать неизбежное (в жизни) — вот наши задачи^{15*}.

---

*Относительно более новых времен можно заметить, что если бы в 1917 г. у власти стояли скептики, то скольких несчастий удалось бы избежать. Но тогда все были догматиками: Николай II — цепкий монархист, страстно желавший передать абсолютную власть сыну; П. Н. Миллюков — конституциональный монархист, искренне думавший, что в России завтра будут английские порядки; А. Ф. Керенский — брал пример с народников и подспудно отождествлял Россию с Америкой; сам В. И. Ленин брал власть «исключительно в расчете

на мировую революцию» [15, с. 1]. Он искренне считал, что необходимо «сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней» [16, с. 92], ибо «мы и начали дело исключительно в расчете на мировую революцию» [17, с. 36]. Любопытно, что абсурдная идея, в которую он и его последователи верили, привела к гигантским и далеко не всегда негативным последствиям. Не случайно Ф. Галиани (1728–1787) предупреждал, что «никого не надо так остерегаться, как честного человека, если им овладело заблуждение» [21, с. 468].

^{2*} Авторы следуют мудрому совету одного известного писателя: «Философы могут относиться несерьезно к чему угодно, только не к истине» [27, с. 146].

^{3*} Многие марксисты и неомарксисты тоже сомневались в фундаментальных положениях К. Маркса (1818–1883). Так, Л. Альюссер (1918–1990) писал: «Любая философия, пытающаяся так или иначе реставрировать марксистскую антропологию, или философский гуманизм, будет в теоретическом смысле собиранием пыли» [26, с. 550]. Правоверный марксист А. Грамши (1891–1937) утверждал, что «октябрьская революция ... была на самом деле революцией против “Капитала”» [26, с. 554]. И может быть лучше П. Б. Струве (1870–1944) не скажешь: «Все попытки истолковать эту теорию в смысле согласования ее с данными опыта оказались чудовищно насильственными и поэтому вполне бесплодными» [12, с. 333].

^{4*} Тут-то и возникает парадокс Р. Кантильона (1680–1734): *покупатель приобретает товары по определенной цене, чтобы продать их по цене неопределенной*. Дело в том, что покупатель знает цену приобретения, но о цене продажи он только фантазирует. Следовательно, учет запасов по продажной цене создает для бухгалтера множество трудностей, а для собственника увеличивает риски получения прибыли. Впрочем, в настоящее время и цена приобретения (покупки) становится проблематичной. Если товар будет оплачен раньше момента t , или будет их куплено больше t , то цена его против договорной будет уменьшена. Текущие цены могут быть определены по моде (наиболее типичные цены) — скажем, биржевые цены на нефть, либо исчислены как средняя величина из нескольких цен. А исторические цены определяются в учетной политике организаций или по методу ЛИФО или ФИФО, или по средним ценам. Каждый раз будет возникать новая оценка и финансового положения и финансового результата, и все они логически будут равноценными, но разноречивыми для пользователей.

^{5*} Несколько лет тому назад немецкая фирма *BMW* представила свои акции на Нью-Йоркскую биржу. Ее руководство потребовало составить отчетность не по правилам, действующим в ФРГ, а по стандартам ГААР США. Получилось так, что в немецкой исходной отчетности была показана большая прибыль, а по ГААР возникли убытки. В обоих случаях логический закон тождества действовал, но результаты возникли весьма разные.

^{6*} Во всех ученых советах, в которых я работал, в тех случаях, если соискатель приводил какие-то варианты ответов на изученные проблемы, ему сразу же задавали вопрос: «А какой вариант правильный?» Люди, к сожалению, считают, что бывает только одна правда и другой нет. «В моей практике, — писал К. Юнг (1875–1961), — я постоянно встречаюсь с разительным фактом, что человек почти неспособен понять какую-нибудь иную точку зрения, кроме своей собственной» [32, с. 587]. Это просто означает, что большинство людей *физиологически неспособны* принять скептицизм. Такого же мнения придерживался А. Швейцер (1875–1965): «Люди в массе своей оказываются во власти авторитарных истин и пропагандистских догм, навязываемых им организованными государственными, социальными и религиозными сообществами» [5, с. 650].

^{7*} В 1992 г. папа Иоанн Павел II «не только отдал должное Галилею как ученому, но и подтвердил, что Галилей в вопросах толкования Св. Писания был ближе к истине, нежели профессиональные богословы из числа его противников, и официально снял с Галилея обвинения в ереси» [9, с. 1181–1182].

^{8*} Любопытно, что осуждение Галилея связано с его «несчастливой способностью лично настраивать против себя влиятельных людей» [31, с. 102].

^{9*} Фальсифицируемость определяют как «возможность постановки эксперимента в принципе способного дать результат, опровергающий гипотезу» [14, с. 119]. Но в науке, к счастью, никто не может запретить иной взгляд, а принцип деконструкции даже предполагает его.

^{10*} «Избери, что есть добро, иди за ним» (Втор., 30:19).

^{11*} В жизни не может быть скептицизма без берегов. Вот сцена из литературы, но списанная с природы. Станарель бьет жену. Она кричит: «Ай! Ай! Ай!» Это случайно наблюдает прохожий-скептик. И, согласно правилам элементарной порядочности, вмешивается: «Безобразия! Какой это мерзавец так колотит свою жену?» Но побитая также не лишена скептических представлений и весьма разумно замечает прохожему: «А может, я хочу, чтобы он меня колотил? И что вы суетесь? Это нахальство мешать мужу бить *свою* жену» [18, с. 137].

^{12*} В данном случае М. С. Горбачев как бы повторяет Сократа, говорящего, что мы знаем, чем истина не является, но не знаем чем она является [14, с. 32].

^{13*} Парадокс в том, что чем интеллектуальнее человек, тем труднее ему понять коллегу: Аристофан считал Сократа шарлатаном, Эпикур был обвинен скептиками в разврате, невежестве, чревоугодии и мотовстве, Руссо называл опасными бреднями труды Гоббса и д'Аламбера, именовал Вольтера трубадуром бесчестия и низкой

душой; Вольтер считал Руссо злобным безумцем, который в корыстных целях уморил голодом свою тещу; Дидро называл Расина плутом; Шопенгауэр считал Фихте и Шеллинга духовными калибанами и кастратами, а Гегеля — бездарным пошлым шарлатаном, чумой немецкой литературы, Галилей не признавал трудов Кеплера, Декарт — работ Галилея; Ньютон сквалажничал с Гуком и Лейбнецом; Резерфорд и Содди будут оспаривать друг у друга приоритет открытия расщепления атомных ядер; Карлейль обвинял Дарвина в недостатке интеллекта; Достоевский называл Гегеля клопом; Соловьев считал Толстого предтечей антихриста, а Леонтьев опознал в Соловьеве самого антихриста; Павлов ненавидел Бехтерева и т. д. и т. п. [4, с. 139–143].

^{14*} Вспомним кольца, о которых рассказывал Дж. Боккаччо.

^{15*} Мои оппоненты допустили минимум три неточности: 1) они назвали передний край современной науки — герменевтику — лженаукой, забывая, что она в XX в. создавалась такими людьми, как М. Хайдеггер, Г. Гадемер, Э. Бетти, П. Риккер и др.; 2) они включили в состав венского кружка К. Поппера, который отношения к этой группе аналитических философов не имел; 3) они пишут, что в нашей стране экономическая наука была «фактически под запретом». Это не совсем так. Действительно, официальной экономической наукой считался только марксизм. Но, к счастью, что-то «фактически» развивалось. Достаточно вспомнить линейное программирование Л. В. Канторовича (1912 — 1986) и получение им Нобелевской премии (1975 г.).

-
1. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2005.
  2. Богуславский В. М. Скептицизм и рационализм Себастьяна Кастелиона // Вопросы философии. 1987. № 3. С. 120–131.
  3. Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М., 1972.
  4. Гарин И. Пророки и поэты. Т. 4. М., 1994.
  5. Гарин И. Пророки и идолы. Т. 7. М., 1995.
  6. Гинзбург В. Л. Гелиоцентрическая система и общая теория относительности // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 112–129.
  7. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
  8. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 // Полн. собр. соч. Т. 21. Л., 1980.
  9. Зайцев Е., Горелов А. Галилей // Католическая энциклопедия. М., 2002.
  10. Ильин И. П. Деконструктивизм // БРЭ. Т. 8. М., 2007.
  11. Кант И. Соч. Т. 4. Ч. I. М., 1965.
  12. Карл Маркс и судьба марксизма // Исследование по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 г. М., 2000.
  13. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
  14. Курц П. Новый скептицизм. М., 2005.
  15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.
  16. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31.
  17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
  18. Мольер Ж. Б. Лекарь поневоле. Собр. соч. Т. 2. М., 1957.
  19. Мольер Ж. Б. Мизантроп. Собр. соч. Т. 2. М., 1957.
  20. Монтень М. Опыты. Кн. 2. М., 1958.
  21. Новый энциклопедический словарь. Т. 12. СПб.
  22. Паскаль Б. Мысли. М., 1994.
  23. Плакунов М. К., Шалабин Г. В. Скептицизм в экономической науке: «за» и «против» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 4. С. 141–148.
  24. Поупкин Р., Стол А. Философия. М.; СПб., 1997.
  25. Пуанкаре А. О науке. М., 1983.
  26. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб., 1996.
  27. Сад Д. А. де. Жюльетта. М., 1992.
  28. Светлов В. А. К философским итогам дискуссии по проблеме правдоподобия научных теорий // Вопросы философии. 1983. № 3. С. 134–142.
  29. Соколов Я. В. Скептицизм как метод экономической науки // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2008. № 1. С. 17–33.
  30. Тарле Е. В. Итальянский скептицизм в эпоху Возрождения // Начало. 1899. № 1. С. 139–154. № 4. С. 197–220.
  31. Шуметер Й. А. История экономического анализа. СПб., 2001. С. 102.
  32. Юнг К. Психологические типы. СПб.; М., 1995.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.